

КОНДРАТЬЕВ КОНСТАНТИН ВЛАДИМИРОВИЧ

**КРИЗИС ИДЕИ И ФЕНОМЕНА СУБЪЕКТА В ПРОСТРАНСТВЕ
НОВОВРЕМЕННОГО СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОГО ДИСКУРСА**

Специальность 09.00.11 – социальная философия

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени кандидата
философских наук

Казань – 2012

Диссертация выполнена на кафедре социальной философии философского факультета
ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»

Научный руководитель доктор философских наук, профессор
ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский)
федеральный университет»
Шатунова Татьяна Михайловна

Официальные оппоненты: доктор философских наук, профессор
ЧОУ ВПО «Институт экономики, управления
и права»
Агапов Олег Дмитриевич

кандидат философских наук, ст. преподаватель
ФГБОУ ВПО «Казанский государственный
архитектурно-строительный университет»
Сафина Айнур Маратовна

Ведущая организация **ФГБОУ ВПО «Казанский национальный
исследовательский технический
университет» им. А.Н. Туполева**

Защита состоится 13 декабря 2012 г. в 14.00 на заседании диссертационного Совета
Д 212.081.16 при ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный
университет» по адресу: 420008, г. Казань, ул Пушкина 1/55, Актный зал.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке имени Н.И. Лобачевского
Казанского федерального университета.

Автореферат разослан «___» _____ 2012 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат философских наук, доцент

Г.К. Гизатова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Роль концепта «субъект» в европейской философии как классической, так и неклассической ориентации практически невозможно переоценить. Категория субъекта – это одновременно связующее звено, камень преткновения, яблоко раздора и цементирующий состав (а часто – и фундирующее основание) для большинства философских учений, а также для всех традиционных разделов философского знания. Действительно, исходя из области онтологии и теории познания, тема субъекта имплицитно присутствует в любой философской дисциплине: в этике через проблему свободы воли появляется проблема субъекта нравственного поступка и его свободы/детерминированности; в эстетике – необходимость определения субъекта эстетической деятельности, который неожиданно рас-траивается на субъекта-творца, субъекта-зрителя и субъекта-критика, выступающего посредником между первым и вторым; в философии истории появляется проблема субъекта исторического процесса, а определение проблемного поля философии истории позволяет концептуализировать поле социальной философии, в которой субъект занимает особое место. Однако одновременно с тем, как субъект занимает все более значимое пространство в философском дискурсе, постепенно подминая под себя и подчиняя себе все прочие проблемы и вопросы, начинает проявляться обратная тенденция – критика идеи субъекта (или, по крайней мере, ее классической интерпретации). Вероятно, не будет ошибкой, если границу между классической и неклассической философией мы проведем именно по линии решения вопроса о субъекте. Первые ростки критического настроения проявляются уже в XIX в. в учениях К. Маркса, С. Кьеркегора, А. Шопенгауэра и Ф. Ницше. Однако наивысшего накала критика достигает в философской традиции XX в., когда, несомненно, под влиянием объявленного Ф. Ницше проекта «переоценки всех ценностей» формулируется идея «смерти субъекта».

Впервые свое концептуальное оформление идея смерти субъекта приобретает в дискурсе французского мыслителя Мишеля Фуко в виде заявленной им в книге «Слова и вещи» «смерти человека». Практически одновременно, в текстах Жана Бодрийяра формулируется иная концепция – концепция «смерти социального». Скандал, произведенный данными идеями в философском дискурсе, усугубляется парадоксальной ситуацией несомненного эмпирического наличия как человека-

субъекта, так и общества в нашей повседневной действительности. Именно данная интуиция парадоксальной «жизни после смерти» субъекта и социального обуславливает актуальность данной работы и служит ее отправной точкой.

Объект настоящего исследования – субъект в двух ракурсах: абстрактно-дискурсивном ракурсе философского концепта и социальном ракурсе актора реальных общественных связей.

Предмет настоящего исследования – кризис идеи субъекта и феномена субъектной формы бытия в условиях современного мира и возможные пути выхода из этого кризиса.

Целью исследования является выявление смысла и значения кризиса идеи субъекта в контексте «смерти социального», а также критическое рассмотрение возможных моделей выхода из данного кризиса.

Реализация поставленной цели достигается посредством решения следующих задач:

1. Выявление истоков и смысла критики классической модели субъекта, сформулированной в пространстве неклассической философии К. Маркса, Ф. Ницше и З. Фрейда.

2. Обнаружение и уточнение вектора направленности критики идеи субъекта в неклассической философии, ответа на вопрос: кто умирает в философской смерти субъекта?

3. Определение обстоятельств и смысла феномена «смерти социального» в качестве закономерного следствия кризиса субъектной формы бытия.

4. Обоснование возможности разрешения кризиса субъектности на базе его переосмысления в традиции фрейд-лакановского психоанализа.

Теоретико-методологическим базисом исследования стал децентрирующий принцип в рассмотрении феномена субъектного бытия, разрабатывавшийся многими мыслителями с различных методологических позиций. Для нашей работы наибольшее значение имели подходы К. Маркса, Ф. Ницше, З. Фрейда, М. Хайдеггера, М. Фуко, Ж. Бодрийяра, Ж. Лакана, С. Жижека и многих других. Анализ исторической трансформации конкретных моделей субъективности осуществлялся в русле диалектики абстрактного и конкретного, единства исторического и логического. Рассмотрение феноменов идеологии и превращенных форм сознания осуществлялось, главным образом, в русле марксистской и

психоаналитической традиции, а также, в меньшей степени, в духе генеалогического проекта Ф. Ницше. Рассмотрение возможных форм трансформации и возрождения субъекта в новом качестве осуществлялось, главным образом, в русле психоаналитической парадигмы.

Состояние изученности проблемы. Безусловно, философская литература по вопросам субъектного бытия и современного кризиса субъектности и кризиса социального крайне обширна и охватывает, по сути, всю историю философии, начиная с греческой классики и заканчивая самыми последними веяниями постнеклассической философии.

Что касается исследования проблемы децентрации субъекта, означающей критику претензий субъекта на автономность, начало было положено в трудах К. Маркса, Ф. Ницше и З. Фрейда, рассмотренных в первой главе данной работы. В XX в. можно говорить о целой гамме различных подходов к построению модели децентрированного субъекта, отметим авторов лишь некоторых из них: М. Хайдеггер, Ж.-П. Сартр, М. Мерло-Понти, К. Леви-Стросс, Ж. Лакан, Л. Альтюссер, М. Фуко, Ж. Деррида, Ж. Делез, Ф. Гваттари, С. Жижек и другие.

Проблема кризиса социального представлена, главным образом, трудами французского мыслителя Ж. Бодрийара, однако она также может рассматриваться в русле общей традиции «кризисного сознания современности», начало которой заложил О. Шпенглер. В этой же традиции следует отметить некоторые работы таких мыслителей, как Э. Гуссерль, К. Ясперс, М. Хайдеггер, Р. Гвардини, Й. Хейзинга. Большое значение в осмыслении пределов и возможностей социально-философского дискурса в условиях конца социальности имеют работы Н.А. Терещенко по соответствующей проблематике.

К проблеме возрождения субъекта на новых основаниях обращались в своих работах такие мыслители, как М. Хайдеггер, М. Мерло-Понти, Э. Левинас, Г.-Г. Гадамер, Ю. Хабермас, А. Рено, А. Бадью и многие другие.

Научная новизна исследования состоит в следующем:

1. Показано, что переосмысление статуса фантасма, иллюзорных содержаний сознания субъекта в неклассической философии позволяет рассматривать иллюзию в качестве структурообразующего элемента самой реальности, что дало возможность отграничить критическое понимание субъекта неклассической философией от проектов его реабилитации на новых, неклассических основаниях.

2. Сформулирована тройственная иерархия субъектных позиций, выявляющая направленность критики субъекта в неклассической философии: «наивный субъект», «цинический» или «критический субъект», «революционный субъект». Объектом неклассической критики выступает именно «наивный» субъект как наиболее точный коррелят картезианского *cogito*, а также, позднее, «цинический» субъект как усложненная версия «наивного» субъекта, включающая элемент «критики» в поле своего самосознания, однако не учитывающая объективность условий возникновения самого «ложного сознания». «Революционный субъект» изначально отличается именно нацеленностью на условия «ложного сознания», он отказывается ограничиваться борьбой «только против фраз» и вступает в бой с самой действительностью, порождающей иллюзии «фраз».

3. Выявлены глубинные причины идеи «смерти субъекта», заложенные уже в классической модели самосознающего субъекта, предложенной Рене Декартом, – забвение и изгнание из структуры субъекта фигуры Другого, который, тем не менее, возвращается в своем пугающем, параноидальном облики «злого гения», способного исподволь вмешиваться в работу сознания, тем самым «похищая» автономию субъекта.

4. Обнаружен характерный параллелизм динамики феноменов субъектной формы бытия и соответствующей ей формы социальности, а также их отражения в философском дискурсе. Именно современная форма автономного субъекта является фундаментом построения современной формы социальности, и поэтому кризис субъекта не мог не привести к кризису социальности. Одновременно с этим именно специфически современная форма социального, призванная «обезвредить» Другого, обеспечив тем самым автономию субъекту, лишь усугубляет кризис, лишая субъекта всякой автономии. Установлено, что проекты возрождения субъекта силами самого субъекта автоматически обречены на провал по причине игнорирования его социальной природы, которая должна служить основанием обновленной формы субъекта.

5. Показано, что философией классического модерна, опирающейся на современное ей современное общество и современную форму социальности, была проигнорирована определенная модель субъекта, содержащаяся в предшествующей, додекартовской философии. Данная альтернативная историческая модель субъекта, основанная на постулировании нетождественности,

разрыва, фундирующего само основание субъекта и обеспечивающего ему пространство роста и самопреодоления, – модель «заботы о себе» в античной греческой и римской философии – может быть представлена как значимая альтернатива скомпрометировавшей себя классической модели («наивного») субъекта.

6. Определено, что модель Фрейда – Лакана, фундированная этической максимой «Не отступай в своем желании», вопреки расхожей точке зрения, предполагает не ниспровержение субъекта, а его возрождение как идеи и реальности на радикально обновленных основаниях, включающих в себя фигуру Другого в качестве структурообразующего элемента. Данная модель позволяет обозначить путь выхода из современного кризиса субъектной формы бытия посредством формирования альтернативной модели социальности, не чуждой по отношению к субъекту, но, напротив, являющейся его органическим продолжением.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Граница, отделяющая классическую философию от неклассической, располагается в отношении вопроса о картезианском субъекте – *cogito*, самосознающей и автономной модели субъекта. К. Маркс, Ф. Ницше и З. Фрейд, каждый со своих теоретических и мировоззренческих позиций, разоблачают «ложное сознание» субъекта в качестве «объективно необходимой иллюзии». Статус этой иллюзии радикально отличен от «мира мнения» Парменида или «призраков» Фрэнсиса Бэкона – источником иллюзии являются не ошибки субъекта, устранить которые способна разработка универсального метода, но сама объективная реальность, включающая в себя элемент фантазма. Именно в разработке статуса фантазма как конституирующего элемента социальной реальности (понятие «фетиша» у К. Маркса, «нигилистический инстинкт» у Ф. Ницше и собственно «фантазм» у З. Фрейда) заключена суть неклассической традиции философствования в отношении вопроса о субъекте.

2. Игнорирование объективного характера фантазма обесмысливает любые проекты критики в духе просвещенческого «разоблачения иллюзий». «Критический» или «цинический» субъект, который должен был прийти на смену «наивному» субъекту Р. Декарта, не способен выполнить свою задачу. Феномен «смерти субъекта», выявленный философией XX в., имеет отношение именно к двум данным ипостасям субъектного бытия – «наивному» и «циническому»

субъекту. Однако уже в рамках неклассической философии XIX в. (а в действительности – и еще раньше) можно обнаружить черты иного субъекта, способного вывести из тупика классической модели – это революционный субъект-пролетариат у К. Маркса и сверхчеловек у Ф. Ницше.

3. Важным следствием кризиса субъектной формы бытия становится кризис модерновой формы социального, фундаментом которого является классический субъект. Социальное эпохи модерна, представляющее собой осознанность «отношения к общественному отношению», – сравнительно недавний исторический феномен, совпадающий по времени с появлением классической формы субъекта и его экспликацией в философском дискурсе. Задача социального заключается в обеспечении автономности субъекта путем обезвреживания (в сущности – элиминации) субъектности Другого включением его в общую для всех предсказуемую нормативную структуру. Однако постепенное разрастание структуры социального, взаимная подозрительность включенных в нее субъектов приводит к парадоксальному результату – сама социальность приобретает субъектные черты, отчуждая их у своего создателя – классического картезианского субъекта.

4. Бодрийяровский тезис о «смерти социального» имеет как минимум два значения:

а) отрыв социального от порождающего его общественного организма, состоящего из субъектов, стремящихся сохранить свою автономность, и превращение модерновой формы социальности в гиперреальность, обслуживающую нужды самой себя путем симулякризации общественной реальности. Следствием этого процесса становится возрастающая тревожность и даже параноидальность, присущая субъекту изначально, направленная отныне на ту структуру, которая была призвана эту тревожность устранить, – на структуру социального;

б) одновременно с этим увеличивающийся разрыв между социальным и общественным приводит к краху социального, со все большей очевидностью неспособного исполнять возлагаемые на него надежды.

5. Проект «герменевтики субъекта» Мишеля Фуко, основанный на разработке античного концепта «заботы о себе», показывает альтернативный путь формирования субъективности, свободной от параноидального страха за

собственную автономию в силу изначального включения фигуры Другого в саму структуру субъекта. Другой в этом проекте рассматривается как тот, кто осуществляет «заботу» об объекте, обозначаемом словом «Я», то есть структура субъекта изначально является двусоставной, субъект вырастает из факта наличия зазора между «Я» и «Другим». Дальнейшая разработка данного проекта была бы потенциально продуктивной для выхода из тупика, созданного картезианской интерпретацией субъекта и соответствующей ей классической моделью социального.

6. Одним из возможных путей построения новой модели субъекта на обновленных основаниях может служить психоаналитическая модель Лакана – Жижека. Суть данной модели «революционного» субъекта заключена в двух основных моментах, которые условно можно назвать «негативным» и «позитивным».

а) «Негативный» момент заключен в жестком отрицании призывов, направляемых со стороны всех возможных форм современной идеологии, призывающих к скорейшему «действию» (то есть – к субъектности) во имя той или иной «идеи», призывов, формирующих «наивных» и «цинических» субъектов. «Революционный» субъект отвечает этим призывам словами героя Г. Меллвиля Бартлби: «Я бы предпочел этого не делать», – тем самым отказываясь встать в ряды субъектов, служащих идеологической машине.

б) Однако сущность «революционного субъекта» не может ограничиваться одним отрицанием (тем более, что «отрицающий субъект» – это одна из разновидностей «цинического субъекта», выполняющая ту же функцию обеспечения целого социального, что блестяще демонстрируется на примере недавних протестных движений в России, направленных против партии власти). «Позитивный» момент «революционного субъекта» заключается в неукоснительном соблюдении этической максимы психоанализа, выраженной Ж. Лаканом: «Не отступай в своем желании». «Отступлением» по Ж. Лакану будет именно отождествление определенного объекта (материального объекта или идеи-символа – не имеет значения) с объектом-причиной желания – именно таким образом захлопывается ловушка идеологии. После бартлбианского акта отрицания – «я бы хотел не этого» – следует революционный акт утверждения – «я хочу другого!» Именно в отрицании предлагаемого идеологической машиной объекта

желания и, тем не менее, неукоснительном следовании самому желанию, заключено движение к «революционной субъективности».

Научно-практическая значимость исследования обусловлена новизной и актуальностью его проблематики. Уточнение направленности философской критики субъекта и социального и разработка возможных моделей трансформации данных феноменов открывает широкое поле для анализа различных тенденций современного общества. Основные положения работы могут быть использованы в учебном процессе в рамках преподавания курсов «История зарубежной философии», «Онтология и теория познания» (тема «Субъект познания»), «Социальная философия» (раздел «Человек и общество») и «Герменевтика» (тема «Герменевтика субъекта»). Кроме того, практическое применение результатов исследований возможно в процессе педагогической деятельности в качестве идейно-теоретических оснований формирования субъектных свойств личности студента.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертационной работы изложены в публикациях автора, из них – 2 статьи в изданиях, рекомендованных ВАК, и 3 статьи в сборниках материалов научно-практических конференций: Всероссийской конференции молодых ученых «Философия XX в.: рубеж столетий», г. Екатеринбург, 18-20 марта 2010 г.; Международной научно-практической конференции «Социальное: содержание, смысл, поиск в современном культурно-историческом пространстве и дискурсе», г. Казань, 14-15 октября 2011 г.; Международной научно-образовательной конференции «Многомерность и целостность человека в философии, науке и религии», г. Казань, 20-21 апреля 2012 г.

Также результаты исследований были использованы при проведении авторского лекционного курса «Введение в философию» для учащихся Факультета довузовского образования КФУ в период с 2006 г. по настоящее время и при проведении семинарских занятий по общей философии со студентами КФУ в 2009-2011 гг.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, разделенных на параграфы, заключения и списка использованной литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** диссертационной работы обосновывается актуальность темы исследования, дается общее представление о степени теоретической разработанности проблемы, формулируются объект и предмет исследования, цель и задачи, раскрывается научная новизна исследования и его научно-практическая значимость.

В **Главе I «Критика идеи субъекта с позиций неклассической философии: К. Маркс, Ф. Ницше, З. Фрейд»** рассматривается первая попытка критики идеи субъекта с позиций неклассической философии. Философия К. Маркса, Ф. Ницше и З. Фрейда диагностирует первые симптомы надвигающегося кризиса концепта «субъект». Первое, что бросается в глаза при рассмотрении портретов данных мыслителей, – это одинаково мощный эмоциональный отклик, который вызывают их учения, выражающийся в единовременном обилии сторонников, противников и чудовищных искажений самой сути их взглядов.

В **§1.1. «Карл Маркс, Фридрих Энгельс: анализ превращенных форм и позиция пролетария»** анализируется исторически первая попытка критического переосмысления позиции субъекта в пространстве неклассической философии К. Маркса и Ф. Энгельса.

Анализируя феномен «превращенных форм сознания», К. Маркс выявляет их объективно-необходимый характер, конституируемый капиталистическими общественными отношениями. Будучи иллюзиями сознания субъекта, «превращенные формы» фундируют бытие субъекта, определяют его способ существования, тем самым приобретают определенную «бытийственность», оставаясь «кажимостями».

При этом, отмечая заслуги К. Маркса в вопросе о критике автономии субъекта, многие исследователи упускают из виду, что субъект у К. Маркса остается в качестве цели движения, ориентира преодоленного отчуждения. Однако путь к преодолению отчуждения (и восстановлению автономии субъекта, что в данном случае – одно и то же) лежит не через истинное познание, призванное бороться с «предрасудками», но через революционную практику, направленную на сами предпосылки существования ложного сознания – на капиталистические общественные отношения.

В §1.2. «Фридрих Ницше: проект генеалогии и сверхчеловек» раскрывается ницшеанское понятие генеалогии как специфического проекта разоблачения «ложного сознания». Осуществление проекта генеалогии происходит по пути различения деятельности субъекта (в том числе – познавательной деятельности) как сущностно «активной», то есть приводящей к утверждению воли как воли к власти, и сущностно «ре-активной», то есть отрицающей волю. При этом саму «волю к власти» не следует понимать в качестве некоей «истинной» реальности, противостоящей «ложной» видимости в духе Парменида или Платона. «Воля к власти» выступает в качестве «различающего элемента» (выражение Ж. Делеза), то есть самого принципа различения активного и ре-активного. По Ф. Ницше мораль и философская метафизика становятся сущностно ре-активными феноменами.

Критика морального и гносеологического «субъекта», отягощенного сущностно ре-активным сознанием, сочетается у Ф. Ницше с утверждением альтернативной фигуры Сверхчеловека как единственно подлинного «субъекта», взявшего на себя утверждение воли к власти. Ф. Ницше сознательно избегает строгого категориального описания сверхчеловека, прибегая к опосредованию художественными образами (Заратустра, Дионис), в силу нигилистического характера самого философского (научного) разума. Стремясь осмыслить сверхчеловека в терминах научной (научообразной) философии, мы наделяем его «человеческими, слишком человеческими» чертами.

В §1.3. «Зигмунд Фрейд: место “Я” в свете открытия бессознательного» рассматриваются философские следствия психоаналитического различения сознательного и бессознательного. Бессознательное понимается не как простое отрицание сознательного, но как особый модус психического, способный проявлять себя, минуя инстанцию «Я» – динамическая трактовка бессознательного наносит последний, самый сокрушительный удар картезианской иллюзии самоочевидности сознания. Однако и психоанализ сохраняет в себе потенциал возрождения субъекта на новых основаниях: «Там, где было “Оно”, должно стать “Я”». Цель клинической практики психоанализа – возвращение травмирующих вытесненных содержаний в сознательную область психического путем интерпретации симптомов. Отрицание трансцендентального субъекта сочетается в психоанализе с утверждением субъекта, имманентного процессу взаимодействия «Я» и «Оно».

В §1.4. «Три ипостаси субъекта в контексте неклассической критики субъектной формы бытия» осуществляется попытка синтеза неклассической философии К. Маркса, Ф. Ницше и З. Фрейда и определение подлинного объекта критики субъекта. Выделено 3 ключевых позиции, позволяющих объединять трех мыслителей в одну категорию.

1. Недоверие к самоочевидностям сознания (именно самоочевидность постулировалась Р. Декартом в качестве единственного препятствия на пути тотального сомнения). Действия или мысли, воспринимаемые субъектом в качестве собственных, ставятся в зависимость от различных интерсубъективных импульсов, имеющих собственный смысл и логику, – классовый интерес у К. Маркса, нигилистический инстинкт, «бацилла ненависти» у Ф. Ницше, бессознательное у З. Фрейда. Каждый из этих импульсов можно переформулировать в терминах «желания», искривляемого под действием цензурирующих механизмов «ложного сознания» различным образом.

2. Критика автономии субъекта сочетается с необходимостью возвращения субъекта на новых, более прочных основаниях. Для К. Маркса фигурой новой субъектности, преодолевшей самоотчуждение, становится фигура пролетария как субъекта нового коммунистического общества – общества устраненного отчуждения¹. Для Ф. Ницше это фигура сверхчеловека, в перспективе которого человек может рассматриваться только как «канат, натянутый над пропастью между обезьяной и сверхчеловеком». Для З. Фрейда субъект имманентен постоянному процессу взаимодействия «Ego» и «Id», в котором «Ego» стремится занять то место, где «Id» было только что, тогда как «Id» уже проявляет себя «на другой сцене». При этом налагается строгий запрет на попытку возвращения субъекта старым, гносеологическим образом: сама по себе критика «ложного сознания» в духе Просвещения бессильна, поскольку имеет дело лишь со следствием (индивидуальным сознанием субъекта), не касаясь его причин (Бытия) – таков смысл «онтологического поворота» неклассической философии.

---

¹ «Коммунизм как положительное упразднение частной собственности – этого самоотчуждения человека – и в силу этого как подлинное присвоение человеческой сущности человеком и для человека; а потому как полное, происходящее сознательным образом и с сохранением всего богатства предшествующего развития, возвращение человека к самому себе как человеку общественному, т.е. человеческому» (Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 г.: [Коммунизм] / К. Маркс // Сочинения // К. Маркс, Ф. Энгельс. 2-е изд. М., 1974. Т. 42. С. 117).

3. Неклассическая трактовка иллюзии. Классическое отношение к иллюзии берет начало у Парменида: «мир истины» и «мир мнения». В этом же ряду сократическое неприятие «незнающего о самом себе незнания», «миф о пещере» у Платона и тому подобное. Для успешного действия необходимо ясное и отчетливое понимание смысла и характера своей деятельности – таково основание классической модели субъекта. Ошибки, иллюзии есть препятствия на пути становления субъекта. Неклассическая философия начинается с афоризма К. Маркса: «Они не сознают этого, но они это делают». Фантазм, иллюзия рассматривается как «истина» наивно-подлинного обыденного сознания. К. Маркс, анализируя буржуазный характер товарно-денежных отношений, показывает, что они основаны на требовании фундаментального *неузнавания* субъектом предпосылок и смысла собственных действий, основанных на «метафизических тонкостях и теологических ухищрениях»², составляющих сущность товарного фетишизма. В определенном смысле «смерть субъекта» происходит уже в «Капитале» К. Маркса.

Однако какой именно субъект умирает? Можно говорить о трех вариантах осуществления субъектной позиции как в контексте философской трактовки понятия «субъект», так и в осуществлении субъектной формы бытия человека в повседневной действительности.

1. «Наивный субъект» – характеризуется полным доверием к содержаниям собственного сознания. Именно на него, главным образом, направлена критика субъекта, начиная от К. Маркса и заканчивая современными заявлениями о «смерти субъекта».

2. «Цинический субъект» – субъект-критик, видящий свою задачу в раскрытии «подлинной» реальности по ту сторону иллюзий наивного субъекта. Наиболее последовательная попытка утверждения субъекта-циника – Просвещение. Циник стремится победить «иллюзии» сознания силами самого сознания, игнорируя *объективно-значимый характер* фантомов ложного сознания, поэтому он с неизбежностью сталкивается с противодействием, рождающим «просвещенное ложное сознание» (термин П. Слотердайка) – сознание, знающее о своей ложности и продолжающее действовать в соответствии с ложными установками. Кроме того,

---

² Маркс К. Капитал. Т. 1 / К. Маркс // Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. 2-е изд. М., 1960. Т. 23. С. 84.

постулируя субстанциальную истину в противовес «иллюзиям» ложного сознания, циник вовсе становится неотличим от «наивного» субъекта, проявляя чрезмерное доверие к прозрачности и автономности собственного сознания, осуществляющего критическую деятельность.

3. «Революционный субъект» – преодолевает недостаточность критичности субъекта-циника. «Смерть субъекта» касается лишь первых двух ипостасей субъекта, однако наличие позиции «революционного субъекта» позволяет говорить о перспективе преодоления кризиса субъектной формы бытия.

В Главе II. «Трансформация социальной действительности в условиях кризиса субъектности» раскрывается смысл бодрийеровской концепции «смерти социального» и ее взаимосвязь с неклассической критикой субъекта.

§2.1. «Становление социальности как форма осуществления классического субъекта». Социальное – это отношение к общественному отношению³, т.е. придание смысла социальному действию, осуществляемое самим субъектом – символизация действия. Социальное – феномен исторический и относительно молодой. Начало социального – XVI в., когда человек перестал быть просто членом сообщества, но стал отныне *сознательно включаться* в то или иное сообщество для удовлетворения своих потребностей: «Человек стал не просто жить в социальном пространстве, но и стал отдавать себе в этом отчет (что нередко в исторической социологии именуется «рождением» социального дискурса). Более того, он не только осознал в себе субъекта «нового» социального пространства, но и не мог уже представить свое существование вне этой социальной оси координат»⁴.

Посредником этого процесса включения субъекта в общественное целое, своего рода «механизмом социального» выступает *идеология*. Идеология в обществе модерна – это система идей, формирующих корректную способность суждения и оценки в различных областях общественной жизни. Она предполагает в качестве своей предпосылки уже наличествующих изначально субъектов и

---

³ Терещенко Н.А. Социальная философия после смерти социального / Н.А. Терещенко. Казань: Казан. ун-т, 2011. С. 173.

⁴ Согомонов А.Ю. Парадоксы вывихнутого времени, или как возникло социальное / А.Ю. Согомонов, П.Ю. Уваров // Конструирование социального. Европа, V-XVI вв. / [сост. П.Ю. Уваров, И.В. Дубровский]. М., 2001. С. 158.

процедурные социальные связи, задача состоит лишь в их корректном сопряжении. Подобное понимание идеологии опирается на картезианское понимание субъекта, как *изначально равного самому себе*. Однако картезианская модель субъекта – не единственно возможная, в домодерновой, докартезианской философии мы можем обнаружить альтернативные модели, не получившие развития из-за «картезианского поворота» – в частности, модель «заботы о себе» у платоновского Сократа. Именно картезианская специфическая конфигурация взаимоотношения субъекта и истины и ее дальнейшее развитие в виде просвещенческого концепта «идеологии» становится причиной выявленной в философии XX в. «смерти социального».

§2.2. «Смерть социального как выражение кризиса субъектности». По Ж. Бодрийяру существование социального как области символической осмысленности действия – это иллюзия, поддерживаемая социальными науками, стремящимися сохранить в обществе веру в существование их объекта и, соответственно, в собственную значимость. В действительности, объект социальных наук представляет собой в чистом виде конструкт, созданный методами «зондажа и статистики» – «средний обыватель», «средний потребитель», «средний избиратель» и т.п. Задача деятелей социальных наук в том, чтобы убедить индивида, что он действительно напоминает тот образ, который формулируется дискурсом, что это именно он отражается в зеркале социологии. Таков смысл бодрийяровской «смерти социального» в контексте дискурса социальной теории.

В повседневности общественной жизни субъект сталкивается со «смертью социального» в контексте кризиса репрезентации. Если верно, что социальное есть отношение субъекта к общественному отношению, в которое он вступает, то современные символические структуры, претендующие на формирование социального посредством идеологии (в соответствии с теми надеждами, которые возлагали на идеологию ее теоретики эпохи Просвещения), все хуже справляются со своей задачей. Социальному полю все труднее символизировать интенции эмпирического субъекта, вместо этого оно создает симулякры этой интенции. Социальное начинает существовать словно бы само по себе, отдельно от общества, в котором живут люди.

Трансформация субъекта и трансформация социального (именуемые «смертью» того и другого в традиции современной социально-философской теории)

— два взаимосвязанных процесса. Именно забвение социальной природы субъекта, выразившейся в требовании наличия Другого (это требование присутствовало в моделях субъектности докартезианской философии), картезианский акцент на автономии приводит субъекта к его концу — Другой, который, в действительности, никуда не исчез вопреки иллюзиям субъекта, превращается в Большого Другого, в идеологический аппарат социума, для которого субъект выступает лишь как необходимый элемент функционирования системы социального, первичной по отношению к самому субъекту. Одновременно с этим происходит и крах социального как такового, построенного на фундаменте автономного субъекта. Отнимая автономию субъекта, одновременно с этим социальное само не может существовать автономно, оно требует онтологической основы, в роли которой субъект уже выступать не способен. Выход в качестве процесса симулякризации лишь усугубляет кризис как социального, так и субъекта.

Глава III. «Субъект как идея и реальность в поле классического (фрейд-лакановского) психоанализа» посвящена поиску выхода из усугубляющегося кризиса субъектной формы бытия и современной формы социальности в парадигме фрейд-лакановского психоанализа.

В §3.1. **«Субъект и Другой: парадокс картезианского субъекта»** рассматриваются коренные следствия «картезианского поворота» в осмыслении идеи субъекта, выраженного в отрицании Другого и претензиях субъекта на автономию.

В чем главная опасность картезианской иллюзии? Отрицание глубинной расколотости субъекта на «Я» и «Другого» рождает постоянное чувство тревоги, страха за собственную автономию. Любой Другой превращается в потенциальный источник опасности (уже у Р. Декарта есть образ «злого гения», который можно рассматривать в качестве «симптома» такого бессознательного страха), угрожающий автономии «Я». В этих условиях возникает необходимость построения социального как зоны элиминации Других, превращающей их в alter ego, уничтожающей «другость» Другого. Однако социальное уже заражено тем же недугом, что и породивший его параноический субъект — и поэтому оно само превращается в Большого Другого, не доверяющего своему создателю-субъекту и берущего его под свой контроль. Именно страсть субъекта к сохранению автономии приводит его к лишению этой автономии.

В противоположность классической концепции субъекта З. Фрейд и позднее Ж. Лакан говорят о субъекте как изначально расколотом между «Я» и «идеал-я», где последнее выступает в качестве образа «Я», сформированного в сфере Воображаемого. Однако дело не в том, что «Я», являясь первичным, создает себе образ «каким я хотел бы стать» и затем оценивает свое соответствие данному образу. Суть лакановской теории «стадии зеркала» в том, что никакого «Я» до появления Воображаемого образа не существует. Раскол между «Я» и Воображаемым есть условие субъектогенеза подобно тому, как плод познания различия добра и зла есть условие окончания творения библейского человека.

В §3.2. «От субъекта цинического к субъекту революционному: идеология Господствующего означающего и этическая максима психоанализа» обозначаются основные черты «революционного субъекта», избегающего ловушки «ложного сознания» в рамках психоаналитической парадигмы. Проект революционного субъекта должен осуществляться в двух сценариях, которые можно условно обозначить как «негативный» и «позитивный»:

а) «Негативный» момент заключен в отрицании любых интерпеллирующих призывов, исходящих от инстанции Большого Другого и функционирующих посредством переформулирования желания субъекта в определенные символические формы. «Наивный» субъект рождается в тот момент, когда на запрос идеологии поступает ответ: «Да, я хочу именно этого!» Цинический субъект, отрицая один запрос, попадает в ловушку другого (например, отрицая «либеральную идеологию», переходит в «националистическую»).

б) «Позитивный» момент «революционного субъекта» заключается в неукоснительном соблюдении этической максимы психоанализа, выраженной Ж. Лаканом: «Не отступай в своем желании». «Отступлением» по Ж. Лакану будет именно отождествление определенного объекта (материального объекта или идеи-символа – не имеет значения) с объектом желания – «я хочу именно этого». Революционный актом было бы утверждение – «я хочу другого!» Таким образом, движение к «революционной субъектности» будет выражаться в противоречивом отрицании предлагаемого идеологической машиной объекта желания и, одновременно, неукоснительном следовании самому желанию как таковому.

В **Заключении** диссертации подводятся основные итоги и обозначаются перспективы дальнейшей разработки темы возрождения субъектной формы бытия в пространстве ее социальной природы.

Основное содержание диссертации отражено в следующих публикациях:

Публикации в изданиях, рекомендованных ВАК:

Кондратьев К.В. Маркс, Ницше, Фрейд: опыт критики идеи субъекта с позиций неклассической философии / К.В. Кондратьев // Ученые записки Казанского университета. – Том 153. Серия Гуманитарные науки. Книга 1. – 2011. – С. 52-60.

Кондратьев К.В. Фантазм как способ конституирования социального субъекта в современную эпоху / К.В. Кондратьев // Ученые записки Казанского университета. – Том 154. Серия Гуманитарные науки. Книга 1. – 2012. – С. 70-77.

Публикации в других научных изданиях:

Кондратьев К.В. Проблема понимания Другого в французском экзистенциализме / К.В. Кондратьев // Философия. XX век: рубеж столетий: материалы II всерос. науч. конф. молодых ученых, Екатеринбург, 18-20 марта 2010 г. – Екатеринбург: Издательский дом Ажур, 2012. – С. 18-20.

Кондратьев К.В. Социальное и субъект: смерть и возрождение / К.В. Кондратьев // Социальное: содержание, смысл, поиск в современном культурно-историческом пространстве и дискурсе: материалы международной научно-практической конференции. – Казань: Казан. ун-т, 2011. – С. 147-157.

Кондратьев К.В. Смерть субъекта и смерть социального – точки пересечения проблем / К.В. Кондратьев // Многомерность и целостность человека в философии, науке и религии: материалы Международной научно-образовательной конференции. – Казань: Казан. ун-т, 2012. – С. 57-62.

Кондратьев К.В. Язык повседневности: философский анализ проблематики «забвения бытия» / К.В. Кондратьев // Философия, религиоведение, политология: сборник научных работ студентов философского факультета КГУ 2009 г. – Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 2009. – С. 16-19.

Подписано в печать 30.10.2012.
Форм. 60 x 84 1/16. Гарнитура «Таймс». Печать ризографическая.
Печ.л. 1. Тираж 100. Заказ 350.

Лаборатория оперативной полиграфии Издательства КФУ
420045, Казань, Кр.Позиция, 2а
Тел. 233-72-12